

РУССКИЙ ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР В ДАГЕСТАНЕ: СВАДЕБНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

The Russian Folk Songs in Dagestan: the Wedding Ritual Lamentations

О.В. Щелкова [Селина] (O. Schelkova [Selina])¹

¹младший научный сотрудник отдела фольклора Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН (Junior Researcher of Folklore Department at the Institute of Language, Literature and Arts named after Tsadaca at the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences). E-mail: selina79@mail.ru

Статья посвящена свадебной поэзии русскоязычного населения Дагестана, в которой, как и в других фольклорных жанрах, отразились различные реалии. Традиционный свадебный обряд русских в Дагестане стал заметно меняться в сторону исчезновения многих ритуальных действий уже в конце XIX – начале XX столетия, и с выпадением отдельных обрядовых эпизодов, их упрощением и сокращением изменения произошли и в свадебной поэзии. Под влиянием новых общественных и бытовых условий из устной народной поэзии ушла свадебная причет, которая в наше время осталась только в памяти пожилых людей. Песни, связанные с магическими пережитками, стали особенно заметно забываться в последние десятилетия в связи с изменившимся отношением к древним суевериям. В свадебном действе русских давно исчезли обрядовые детали, связанные с верой в колдунов, порчу, обереги и т. п., соответственно исчез и связанный с ними фольклор. Выполнение таких традиционных ритуалов, как осыпание молодых зерном или сахаром и деньгами, благословение у очага, срединного столба, целый ряд присказок и песен эротического характера, связанных с заклинанием вызывания плодородия, превратились в шутиливую игру. С обрядовыми компонентами ушли в прошлое и песни, связанные с ними.

Ключевые слова: свадебные причитания, обряд, песня, магическая сила, эпитеты.

The article is devoted to the wedding poetry of the Russian-speaking population of Dagestan. This folk art which had existed for centuries as well as other folklore genres used to be impacted by various domestic phenomena. The traditional Russian wedding ceremony in Dagestan began to change noticeably at the end of the 19th and the beginning of the 20th century and was characterized by extinction of many rituals. With the loss of some ritual scenes, their simplification and reduction, the songs connected with wedding events began to change. Thus, under the influence of new social and living conditions the oral folk poetry including wedding lamentations started to disappear and remained only in the memory of the elderly. In the last decades in connection with changing attitude to ancient superstitions, the songs associated with the magical rituals have vanished. The Russian wedding ritual items connected with belief in witches, amulets, etc. have disappeared along with the associated folklore. Such traditional rituals as hiding bride's comb, blessing at the hearth and the middle pillar, a number of sayings and songs of erotic character connected with spells stimulating fertility turned into playful games during the wedding party. They used to be an integral part of Russian traditional weddings, but can no longer be seen. With loss of the wedding ritual items the songs related to this event have also disappeared.

Keywords: wedding lamentations, ceremony, song, magic force, epithets.

Свадебная поэзия, возникшая на почве обряда, отражала и направляла ритуальное действие. Скованная рамками обряда, с течением времени она становилась все более традиционной формой выражения лирического начала, при этом возрастала степень художественности изображения. Она жила и развивалась на протяжении столетий, в ней, как и в других фольклорных жанрах, отразились различные бытовые явления.

Русская свадебная лирика представлена песнями нескольких типов — заклинательные, направлявшие и комментировавшие действие, лирические (грустного или мажорного настроя) и причитания.

Традиционный свадебный обряд русских в Дагестане по мере исчезновения многих ритуальных действий стал заметно меняться уже в конце XIX – начале XX столетия [Мугадова 2002: 13]. С упрощением,

сокращением и даже выпадением отдельных обрядовых эпизодов начинает меняться связь свадебного действия с песнями. Так, например, под влиянием новых общественных и бытовых условий из устной народной поэзии ушла свадебная причет, которая в наше время осталась только в памяти пожилых людей. Ф. М. Ибрагимова отмечает: «В последовательности исчезновения песен из обряда тоже имелась своя логика... Корпус народного свадебного действия издревле опирался на сочетание трех факторов — пережитков историко-правовых, пережитков магии оберегающей и магии продуцирующей. Раньше всего начали исчезать из обряда пережитки историко-правовые, т. е. обрядовые детали, говорившие о купле-продаже невесты, о власти мужа — хозяина над женой, о бесправии и покорности молодки в новой семье и т. п. Соответственно начали прежде всего забываться и песни на эти темы, как не оправдавшие себя в быту, противоречившие этому быту...» [Ибрагимова 2008: 34–47].

Песни, связанные с магическими пережитками, стали стремительно забываться в последние десятилетия в связи с изменившимся отношением к древним суевериям. Из русского свадебного действия давно уже исчезли «обрядовые детали, связанные с верою в колдунов, порчу, обереги и т. п., соответственно, исчез и связанный с ними фольклор» [Базанов 1988: 5]. Исполнение таких традиционных ритуалов, как осыпание молодых зерном или сахаром и деньгами, благословение у очага, серединного столба; целый ряд присказок и песен эротического характера, связанных с заклинанием вызывания плодородия, превратились в шутиливую игру. С отмершими обрядовыми деталями ушли в прошлое и связанные с ними песни [Мельникова 2003: 96].

Исследователи свадебной обрядности и поэзии народов Дагестана [Хайбуллаев 1973; Ганиева 1976; Ибрагимова 2008] не акцентировали внимание на наличие свадебных плачей и причитаний в дагестанском фольклоре. Не следует забывать, что у русских в Дагестане многие свадьбы в прошлом совершались без согласия молодых, вступающих в брак. Нередки были случаи выдачи замуж за пожилого, старого, нелюбимого, выдачи замуж несовершеннолетних. При получении вести о согласии родителей выдать их замуж девушки по-разному выражали свое отношение к этому событию.

Одни молча, с болью в душе, соглашались с этим. Другие протестовали и стремились выразить свое недовольство в плаче. Песня-плач невесты традиционно исполнялась в момент окончания помолвки, сватовства.

Традиция требовала, чтобы невеста, даже выходящая замуж по любви, горько оплакивала свою долю, сожалела о девичестве и счастливой жизни в родительском доме и выражала свою недоброжелательность по отношению к жениху и его семье [Тульцева 1978: 122–137]. Все это находило выражение в причети — поэтическом жанре, представляющем собой лирическое излияние, монолог большого эмоционального напряжения и проникновенности, в котором традиционные поэтические образы соединяются и развиваются при помощи импровизации в яркие контрастные картины счастливой девической и несчастливой замужней жизни.

Этот обрядовый жанр содержанием и манерой исполнения близко примыкает как к похоронным плачам, так и к лирическим песням — жалобам на жизнь. В похоронных плачах исполнение больше рассчитано на окружающих, на собравшихся для выражения соболезнования. Свадебный же плач рассчитан на мать, на близких людей. Его цель — расположить их к себе, добиться отсрочки сватовства, свадебного обряда [Колпакова 1973: 263].

Свадебные причитания русских в Дагестане — в отличие от северных причитаний, которые исполнялись напевно, протяжно и отличались своей лироэпичностью, так как в них была развита описательность, подробный рассказ о происходящем и даже незначительная деталь могла получить развитие, — имели лирический характер, были невелики по объему и исполнялись речитативом. Они отличались устойчивостью сюжетно-композиционной основы, стилистических приемов, яркостью художественных образов и средств эмоционального выражения. На протяжении длительного развития они претерпевали значительные изменения, отразившие, с одной стороны, древнейшие, связанные с обрядом представления, с другой — бытовые отношения и эмоции участников свадебной драмы более позднего периода [Ризаханова 2001: 50].

Причети представляли собой диалог, состоящий из неограниченного ряда коротких стихов, произносимых невестой или вопленицей («подоплачницей», «возбуди-

тельницей плача»), хором подруг, матерью невесты. Причеты, относящиеся к разным эпизодам свадьбы и исполнявшиеся до отъезда к венцу, обладают различным содержанием, обусловленным изменением состояния и положения невесты, ее мыслей и переживаний в ходе свадебного обряда [Куракеева 1996: 88]. Причитания невесты на сговоре и рукобитье обращены к отцу и матери. Девушка просит не отдавать ее замуж, дать ей хотя бы еще годок «покрасоваться», она не отказывается ни от какой работы в родном доме:

Чем я вас обидела, мать,
Не слушалась ли я вас, мать,
Чем я осквернила вас (дома), мать?
Своими руками душите?
Убираете со своих глаз?
Не было же границ моей любви к вам,
Всей душой была привязана к вам,
Вы же говорили: «Пусть созреет яблоко», мать.
Зачем губить цветок морозом, если он
не расцвел?
Еще на ноги не стала ваша куропатка, мать,
Зачем же ей ноги обламывать?
Зачем ломать крылья, еще не окрепшие?
Зачем отвергаете меня, мать,
Чем я не угодила, чтобы не любить меня?
[Записал Кирюхин В. С. от Ефремовой
Е. В., 57 лет, в 1968 г. пос. Тузуклей Да-
гестанской АССР // Рукоп. фонд ИЯЛИ.
Ф. 3. Оп. 5. Л. 14–15]

В основе способа исполнения плачей лежала импровизация, так как каждый раз плач был обращен к определенному человеку и должен был в своем содержании раскрывать конкретные черты его жизни. Например, невеста выражает свои переживания по поводу окончания «вольной» девичьей жизни во время девичника, в день, когда невеста прощалась со своими подругами и родными [Атаева 2010: 93–95].

В них девушка очень искренно и эмоционально, с чувством глубокой грусти и сожаления прощается со своей девичьей жизнью:

Милы мои подруженьки,
Отгуляла-то я по широкой улице,
Отпела-то я с вами развеселы песенки,
Отойдут-то с вами все гульбы, забавушки,
Все девичьи прохладушки!
[Записано от Авиловой А. Е., 70 л., в
х. Мареновский Дагестанской АССР в

1980 г. / Рукоп. фонд НИИФЛИ им. А. Ф. Назаревича ДГУ. Ф. 4. Оп. 2. Л. 7–8]

Сюжет ритуального предсвадебного омовения в бане невесты обязательно сопровождался причетью. В зависимость от совершаемых действий ставилась будущая судьба девушки. С этим была связана символика упомянутых в плачах действий и предметов. Подруги должны были носить дрова и воду для бани с веселыми песнями, чтобы жизнь была веселой. В *банных плачах* развивается тема прощания невесты с девичьей волей. Согласно тексту приводимой ниже песни, воля улетает из бани, принимая образ пара.

Мне сказали люди добрые таковые речи:
Не ходи ты, зарученная, в теплу парну банечку,
Смоешь ты с головы дорогу девью красоту,
Намоешь ты на голову старую бабью косынку.
Сомыла я с головы дорогу девью красоту....
[Записано от Пищериной Е. И., 52 г., в
1989 г. п. Чечень Дагестанской АССР /
Рукоп. фонд НИИФЛИ им. А. Ф. Назаре-
вича ДГУ. Ф. 5. Оп. 2. Л. 15–16]

Согласно старой русской традиции, чтобы быть счастливой в браке, невесте следует перед свадьбой в последний раз поплакать. Обычно мать причетом будила невесту, напоминая ей о том, что она последнюю ночь провела в родительском доме [Яхина 1971: 120–131]. Невесте рекомендуется вставать раньше, чем ее станут «с постелюшки поднимать». Она должна смолчать, когда муж вернется «с покупной водицей», уложить его с ласковыми словами. Она не должна бранить его, «если и где-то бродит», чтобы в первые же дни новой жизни не отправил ее бродить по свету. «Народ-община <...> горькими словами будут <...> осуждать, если новые родственники станут куражиться». В ответ невеста начинает голосить:

Не красное солнце из гор выкатывается,
Как у нас на дворе заря занимается,
А мое сердце кровью обливается...
[Зап. Л. Темирбекова от М. Е. Ковалевой в 1979 г. в х. М. Бредихин // Рукоп. фонд ИЯЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Л. 14–15]

Тема каждого причета и его сюжет, понимаемый как более или менее устойчивый ряд композиционных звеньев, строго опре-

делены содержанием каждого этапа обряда. Они отразили круг представлений, восходивших к первобытнообщинному строю: переход вступающей в брак женщины из одной половозрастной группы в другую, прощание со своим родом, приобщение к новому роду, стремление оградить невесту от воздействия враждебных сил и наделить ее «счастливой долей». Такова доминанта всей первой части свадьбы, источник ее острого драматизма, выраженного в причитаниях. Видимо, упомянутый в причитании акт завершал отчуждение невесты от своего рода, символизируя ее окончательное приобщение к роду будущего мужа.

В данном фольклорном жанре проявляются многие типические признаки его поэтической формы. Прежде всего, это лежащее в основе каждого причета противопоставление дома родителей, всего, что с ним связано, чужой стороне; девичьей воли — доле замужней женщины. Важным средством выражения острого эмоционального напряжения служила целая система обращений, восклицаний и вопросов, включенных в синтаксические параллелизмы и повторы. Это усиливает их драматизм и эмоциональную выразительность [Заседателева 1974: 297–360].

В причитаниях, как и во многих других жанрах фольклора, широко используется система эпитетов, относящихся к каждому лицу или предмету. Однако лирическая природа причитаний особенно ярко сказывается в том, что в них чаще всего упо-

требляются эпитеты не изобразительные, а выразительные: «родная сторонка», «желанные родители», «милые подруги», «дорогие соседи», «чужая сторона», «чужой род-племя», «чужие отец-мать», «тоска великая», «горючие слезы» и т. д. [Киреева 1973: 25].

Согласно изученным полевым записям, которые проводились в конце 1980-х — начале 1990-х гг., в настоящее время, в условиях современного семейного быта свадебные причитания потеряли свое значение и воспринимаются лишь как поэтические произведения прошлого. Причитания в свадебном обряде всем своим содержанием были связаны с «оплакиванием» невесты. Этим они резко отличаются от свадебных «величальных» (поздравительных) песен, которые еще частично входят в современное свадебное торжество.

Полевые записи, хранящиеся в рукописных фондах Института ЯЛИ и НИИФЛИ им. А. Ф. Назаревича ДГУ, и имеющаяся литература позволили нам выявить ритуальную функцию свадебных причитаний русского населения Дагестана. Изученные записи показали, что в настоящее время причитания изменили свои функции, сменили жанровую принадлежность: одна часть перешла в лирические песни, другая часть перестала существовать, а некоторые песни остались бытовать как художественное наследие в профессиональном искусстве и в художественной самодеятельности.

Источники

- Запись Кирюхина В. С. от Ефремовой Е. В., 57 лет, в 1968 г. в пос. Тузуклей Дагестанской АССР // Рукоп. фонд ИЯЛИ. Ф. 3. Оп. 5. Л. 14–15.
- Запись от Авиловой А. Е., 70 л., в х. Мареновский Дагестанской АССР в 1980 г. / Рукоп. фонд НИИФЛИ им. А. Ф. Назаревича ДГУ. Ф. 4. Оп. 2. Л. 7–8.
- Запись от Пищериной Е. И., 52 г., в 1989 г. п. Чечень Дагестанской АССР / Рукоп. фонд НИИФЛИ им. А. Ф. Назаревича ДГУ. Ф. 5. Оп. 2. Л. 15–16].
- Запись Л. Темирбековой от М. Е. Ковалевой в 1979 г. в х. М. Бредихин // Рукоп. фонд ИЯЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Л. 14–15.

Литература

- Атаева Л. Н. Региональные черты русского песенного фольклора в Дагестане // Мат-лы Междунар. науч. конф. «Типология, взаимосвязи и национальная специфика фольклора народов Дагестана и Северного Кавказа», посвящ. 70-летию проф. А. М. Аджиева. Махачкала, 2010. 296 с.
- Базанов В. Г. Фольклор. Русская поэзия начала XX века. Л.: Наука, 1988. 312 с.
- Ганиева А. М. Народная лирическая поэзия лезгин. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1976. 164 с.
- Заседателева Л. Б. Терские казаки (середина 16 – начало 20 в.). Историко-этнографические очерки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. 422 с.

- Ибрагимова Ф. М.* Народная лирика рутулов, агулов, цахуров. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2008. 344 с.
- Киреева Л. С.* Народная поэзия терских казаков в ее связях с фольклором Дагестана и Чечено-Ингушетии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1973. 35 с.
- Кирюхин В. С.* Русская песня в Дагестане. Махачкала, 1975. 260 с.
- Колпакова Н. П.* Лирика русской свадьбы. Л.: Наука, 1973. 324 с.
- Куракеева М. Ф.* Свадебная обрядность казаков. Черкесск, 1996. 180 с.
- Мельникова И. И.* Духовная культура Ставрополя XIX–XX вв. (на примере фольклорных традиций). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2003. 208 с.
- Мугадова М. В.* Традиционный песенный фольклор народов Дагестана в самостоятельном художественном творчестве. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2002. 22 с.
- Ризаханова М. Ш.* Дагестанские русские XIX – нач. XX вв. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2001. 250 с.
- Тулъцева Л. А.* Вьюнишники // Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1978. 150 с.
- Хайбуллаев С.* Аварская народная лирика. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1973. 60 с.
- Яхина Г. А.* Сюжетность свадебной лирической песни и обрядовая действительность // Современные проблемы фольклора. Вологда: Изд-во Вологод. гос. пед. ин-та, 1971. 200 с.

Sources

- [The record of Avilova A. E., 70 years old, in the farmstead Marenovskiy, Dagestan ASSR, in 1980]. In: [Manuscript Fund at Research Institute of Folklore and Literature of Dagestan State University. Fund 4. Invent. 2. Sheet 7–8]. (In Russ.)
- [The record of Efremova E. V., 57 years old, in the village of Tuzuklei, Dagestan ASSR, in 1968. Kiryukhin V. S. (rec.)]. In: [Manuscript Fund at Institute of Language, Literature and Art. Fund 3. Invent. 5. Sheet 14–15]. (In Russ.)
- [The record of Kovaleva M. E. in 1979 in the farmstead M. Bredikhin. L. Temirbekova (rec.)]. In: [Manuscript Fund at Institute of Language, Literature and Art. Fund 3. Invent. 2. Sheet 14–15]. (In Russ.)
- [The record of Pishcherina E. I., 52 years old, the village of Chechen, Dagestan ASSR, in 1989]. In: [Manuscript Fund at Research Institute of Folklore and Literature of Dagestan State University. Fund 5. Invent. 2. Sheet 15–16]. (In Russ.)

References

- Ataeva L. N. [Regional Features of Russian Song Folklore in Dagestan]. In: [Typology, Interrelations and National Specificity of Folklore of Peoples of Dagestan and North Caucasus]. Conf. proc. Makhachkala, 2010. 296 p. (In Russ.)
- Bazanov V. G. Folklore. [Russian Poetry of the early Twentieth Century]. Leningrad: Nauka, 1988. 312 p. (In Russ.)
- Ganieva A. M. [Lezgin Folk Lyrical Poetry]. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1976. 164 p. (In Russ.)
- Ibragimova F. M. [Folk Lyrics of Rituals, Aguls, Tsahurs]. Makhachkala: Dagknigoizdat, 2008. 344 p. (In Russ.)
- Khaibullayev S. [Avar Folk Lyric Poetry]. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1973. 60 p. (In Russ.)
- Kireeva L. S. [Folk Poetry of Tersk Cossacks in its Relations with Folklore of Dagestan and Chechen-Ingushetia]. Cand. Sc. thesis (Philology) abstract. Makhachkala, 1973. 35 p. (In Russ.)
- Kiryukhin V. C. [The Russian Song in Dagestan]. Makhachkala, 1975. 260 p. (In Russ.)
- Kolpakova N. P. [Lyrics of the Russian Wedding]. Leningrad: Nauka, 1973. 324 p. (In Russ.)
- Kurakeyeva M. F. [Wedding Rite of the Cossacks]. Cherkessk, 1996. 180 p. (In Russ.)
- Melnikova I. I. [Spiritual Culture of Stavropol XIX–XX cent. (on the example of folklore traditions)]. Cand. Sc. thesis (Philology) abstract. Stavropol, 2003. 208 p. (In Russ.)
- Mugadova M. V. [Traditional Song Folklore of Peoples of Dagestan in Amateur Artistic Work]. Cand. Sc. thesis (Philology) abstract. Makhachkala, 2002. 22 p. (In Russ.)
- Rizakhanova M. Sh. [Dagestan Russians in the 19th – early 20th cc]. Makhachkala: Dagestan Sc. Center of the RAS Publ. House, 2001. 250 p. (In Russ.)
- Tultseva L. A. [Vyunishniki]. In: [Russian National Wedding Rite: Research and Materials]. Leningrad: Nauka, 1978. 150 p. (In Russ.)
- Yakhina G. A. [The Plot Line of a Wedding Lyrical Song and Ritual Reality]. In: [Modern Issues of Folklore]. Vologda: Vologda State Pedagog. Institute, 1971. 200 p. (In Russ.)
- Zasedateleva L. B. [Tersk Cossacks (mid. 16th – early 20th cent.). Historical-ethnographic Sketches]. Moscow, 1974. 422 p. (In Russ.)